

Концептуализация счастья, радости, блаженства в философско-религиозном дискурсе: онтологический аспект

© А.Е. Комлев

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, 410056, Россия

Отмечено, что в современном философско-религиозном дискурсе не очевидно различие таких понятий, как счастье, радость и блаженство. С точки зрения установления взаимопонимания между различными мировоззренческими позициями сближение смыслов рассматриваемых концептов может иметь пользу, однако их полное отождествление приведет к утрате богатства изначальных значений. Показано, что близость понятий счастья, радости и блаженства в современном философско-религиозном дискурсе не означает их тождества. Обоснован вывод о необходимости принятия во внимание различий исходных интенций понимания концептов счастья, радости и блаженства в религиозной и философской культуре. Прояснение изначальных смыслов позволяет выявить суть онтологических, антропологических, этических различий мировоззрений.

Ключевые слова: счастье, радость, блаженство, различие концептов, ценностное отношение, онтологические параметры, мировоззренческий дискурс, религиозная культура

Проблема счастья интересовала мыслителей всех времен. Исследованию данного феномена посвящено немало работ в области философии, психологии, нейрофизиологии, социологии и др. Тем не менее, единого теоретического обоснования счастья не существует. В отечественной философии, начиная с 2000-х годов, появились работы, проясняющие антропологические, социокультурные, психологические, экономические аспекты понимания счастья. Гораздо меньшее внимание уделяется онтологическим основаниям проблемы. Однако сближение различных позиций и глубинное понимание счастья проблематично без прояснения его природы и условий осуществления. Среди наиболее значимых исследований онтологического аспекта рассматриваемой проблемы можно выделить труды М.Н. Анисимовой, Н.Г. Козина, Л.А. Петровой, которые определили теоретико-методологическую основу настоящей работы.

Термины «радость» и «блаженство» в онтологическом контексте имеют религиозную коннотацию, однако не в рамках сопоставления с категорией счастья как феномена человеческого бытия, а в контексте анализа текстов Священного Писания при рассмотрении явлений сверхъестественного порядка. Актуальность исследования состоит

в том, чтобы разобраться, в какой мере категория счастья применима в жизни религиозного человека, есть ли особенности понимания счастья в религиозном сознании и через какие понятия описывали смыслы, схожие со светским пониманием счастья, в религиозной традиции.

В античной философии, исходя из разных оснований, счастье рассматривалось как характеристика непосредственной практики бытия человека, его образа жизни. Понимание счастья именно как счастливой жизни стало исходным пунктом в определении онтологических условий его осуществления. Эту трактовку используют также современные исследователи: «В определении счастья важным дефинитивным фундаментом и вместе с тем условием счастья является актуальность бытия» [1, с. 78]. С практикой жизни связывают даже интенсивность проявления счастья: «Я существую, следовательно, уже только поэтому счастлив, и счастлив настолько, насколько выражено мое существование» [2, с. 18]. Счастье рассматривается как атрибут бытия человека, проявляющийся в нем и через него. Употребление данного термина вне контекста антропологических проявлений возможно лишь в условном, метафорическом смысле, что подтверждает исходный тезис о его исключительной принадлежности характеристике человеческого бытия.

Современные популяризаторы науки используют термин «счастье» в целях привлечения внимания к реальным научным открытиям в области психологии, нейрофизиологии. Появляются «сенсации» вроде определения «гормонов счастья», «шкалы счастья» и т. п. При этом с точки зрения исследований психической и биологической природы человека, данные понятия научными не являются [3, с. 22]. Однако такая ситуация иллюстрирует тот факт, что счастье характеризуется как некая позитивная ценность. История философии знает различные примеры учений об иерархии предпочтений определенных благ в бытии человека с точки зрения соответствия представлениям о счастье. В качестве таковых рассматривались удовольствие (Аристипп, Эпикур), польза (Гельвеций, Гольбах), добродетель (Аристотель) и др. Вне зависимости от того, с чем именно отождествлялась интенсивность удовлетворения, представление о ценностной природе счастья неизменно: «Счастье можно определить как ценностно организованное бытие» [1, с. 79].

Иерархичность благ, проистекающая из осознанного ценностного к ним отношения, требует определения места счастья в этой системе. С одной стороны, счастье находится на вершине пирамиды. Оно является идеальным образом, который позволяет видеть перспективу, горизонт жизни и «схватывать» в целом ее значимость. С другой стороны, счастье нельзя рассматривать как нечто, находящееся в одном ряду с благами ценностной иерархии. В нем проявляется организующее начало степени ценностного отношения к благам. Попытки отыскать объективную сторону счастья не приводят к желаемому результату.

Объективность в данном случае можно отметить лишь в контексте сведения индивидуальных оценок к неким рациональным мыслеформам. Констатирование состояния счастья в обязательном порядке предполагает субъективное отношение: «События оцениваются нами как счастливые или несчастные, но сами по себе они просто события, которые можно оценивать по-разному» [4, с. 10].

Осознанность, рефлексивность ценностного отношения предполагают самообращенность рационального или чувственного характера. Это хорошо понимали античные авторы. Существенной чертой древнегреческого мировидения является замкнутость, завершенность, внутренняя гармония космоса, отражением которого считалась душа человека. Счастье трактуется как определенное состояние души: «Этическая система Демокрита является первым примером типа, которому надлежало стать всеобщим позднее, где спокойствие ума, безмятежный покой, исходящий из разумного знания природы вещей провозглашен как цель, которую нужно достигнуть человеку» [5, с. 25, 26]. Но в этом обнаруживается проблемность обретения счастья, поскольку данный путь не является самоочевидным, предполагающим объективные алгоритмы и исчерпывающие рекомендации. О счастье можно писать лишь в контексте корреляции с погружением в изменчивую, непредсказуемую ткань жизни.

В библейских книгах Священного Писания тема счастья практически отсутствует, сам термин изредка встречается лишь в Ветхом Завете. «Отсутствие в библейских текстах темы счастья — безусловно, является “значимым отсутствием”, свидетельствующим о форме переживания мира, принципиально отличной от мироощущения, присущего античности» [6, с. 77]. Однако в Библии сотни раз употребляется другой термин — «радость», что свидетельствует не просто о смене парадигмы мироощущения, но и о принципиальной важности в ней этого понятия. В чем заключается специфика темы радости в христианском мировоззрении и есть ли отличие в онтологических параметрах нового отношения к миру?

С точки зрения научного мировоззрения, понятие «радость» имеет психофизиологическую коннотацию. На эмоционально-чувственную природу радости указывал еще Аристотель: «Все состояния души связаны с телом: негодование, кротость, страх, сострадание, отвага, а также радость, любовь и отвращение; вместе с этими состояниями души испытывает нечто и тело» [7, с. 373]. В религиозной традиции родилось иное понимание радости, как минимум, не ограничивающееся связью с телесностью. Рассуждая о малоизученности концепта радости, Н.А. Дьячкова указывает на его новое измерение: «Радость будет оставаться “неуловимой материей” до тех пор, пока исследователи не обратятся к христианскому дискурсу, потому что эта эмоция имеет не только душевно-телесную природу, но и духовную» [8, с. 177].

Несводимость радости только к проявлениям телесности косвенно отражается в антиномичности ее словесного обозначения. В христианской традиции обнаруживаются такие понятия, как радостотворная печаль, радость разлуки, радость обиды, радостный испуг и др. На первый взгляд подобные словосочетания можно было бы опознать как оксюмороны, но на самом деле в них не мыслится несовместимость явлений. Например, испуг, изумление, смущение были сопряжены с радостью в описании евангелистами чувств апостолов и жен-мироносиц, когда они узнали о Воскресении Христа [8, с. 168–170]. Радость как бы превышает все те состояния и эмоции, которые выражают страдание. Это происходит потому, что радость — понятие, отображающее связь человека с иным, духовным измерением. Она связана с телесностью, но констатирует смыслы, состояния, которые обретаются за счет опыта соприкосновения с Совершенством, с Богом.

Русская философия и литература, вобравшие в себя и религиозную и философскую традиции, выражают результаты осмысления новых экзистенциальных смыслов христианства. Радость уже не может быть определена «как эмоция, репрезентирующая “субъективный” аспект счастья... христианское мироощущение подразумевает обнаружение последних оснований бытия за пределами данной эмпирической реальности, радость оказывается отделена и противопоставлена счастью, понимаемому русскими мыслителями как имманентная цель организации непосредственно данного “земного” существования» [9, с. 149]. Эмпирический подход оказывается ограниченным, не способным раскрыть все богатство содержания исследуемого бытийного состояния.

Радость в своем эмпирическом проявлении предполагает интенциональность, направленность на нечто вовне. Она возникает через обладание, через соприкосновение с чем-то желанным, дарящим позитивные ощущения. Если остановиться на аналитике данного аспекта, то радость вполне возможно отождествить с удовольствием, в словарях обычно одно объясняется через другое. Однако в религиозной традиции радость задается интенцией совершенно иного порядка. Античная самозамкнутость преодолевается ориентацией на порядок сверхъестественного, в пределе — на Бога. «Радость — это, безусловно, то, из чего складывается счастье, но это и то, благодаря чему все конечное в человеке начинает себя связывать с вечностью, в каком-то смысле превосходить возможности самого счастья» [2, с. 199].

В современном дискурсе, в контексте онтологического анализа, понятия счастья и радости также сближаются за счет темпоральности. По-другому их осуществление, кроме как присутствие во времени в качестве состояния, переживания, представить невозможно. Более того, темпоральность здесь предполагает со-бытийность, что обусловлено пониманием радости в качестве состояния, предполагающего ориентацию на выход за рамки субъективности. Исследуя проявленность

счастья во времени, Н.Г. Козин делает прогностический вывод: «Если человек счастлив тем, что было, и тем, что есть, то скорее всего он будет счастлив и тем, что будет» [10, с. 44].

Культура общества потребления связывает сегодня представление о счастье с внешним благосостоянием. Религиозная культура древности не была чужда такому пониманию. В Ветхом Завете неоднократно можно обнаружить связь богоизбранности с достатком, здоровьем и большим потомством. Однако иудейская и христианская культура раскрывает еще одно понятие, «которое превосходит все эти понятные и простые дары свыше: оно называется словом “блаженство”» [11, с. 150]. Это понятие, как и радость, антиномично и парадоксально — оно не только не согласуется с удовольствиями земной жизни, но нередко противоречит им. Блаженство трактуется как состояние, в котором человек открывает для себя Бога и следует Его воле. «Состояние блаженства — то, что наполняет человека уже здесь и сейчас, что делает его независимым от внешних обстоятельств, позволяет всецело довериться любящему Отцу. А значит — действовать так, чтобы исполнить Его волю» [11, с. 154].

Блаженство нередко рассматривают как понятие, отображающее превосходную степень состояния как радости, так и счастья. Святитель Григорий Нисский, рассуждая о состоянии подлинного блаженства, утверждает: «Признак блаженства — непрестанная и тени не имеющая радость, происходящая от добродетели» [12]. Г.С. Воркачев в религиозной семантике употребления термина «блаженство» усматривает два различных смысла [13, с. 44, 45]. В одном из них можно обнаружить гипотетическую взаимозаменяемость терминов «счастье» и «блаженство». Когда в евангельских текстах речь идет о состоянии человека, могло бы быть вполне уместным употребление термина «счастье» («Счастливы глаза, видящие то, что вы видите»). Совершенно иная ситуация возникает в случаях формулирования нравственного закона, определяющего поведение («Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное», «Блаженны плачущие, ибо они утешатся»). Оригинальное религиозное содержание стратегий жизненного пути невозможно охватить термином «счастье». Таким образом, понятие «блаженство» предполагает указание не столько на самоощущение, сколько на путь праведной жизни, который только может привести к определенному состоянию души человека.

В религиозном смысле новая коннотация в представлениях о блаженстве появляется также за счет указания на причастность благу. Хотя в этом смысле термин «блаженство» употреблялся в античной философии. Специфика христианской трансформации кроется в «обнаружении» источника блага — Бога: «Ибо подлинно блаженно сие Источное Добро, к Которому все обращено, Которого все желает» [14, с. 27, 28]. Именно этим задается новое содержание данного состояния

как явления духовного порядка. Ярким примером здесь является Нагорная проповедь, в которой идет речь о блаженстве как состоянии, превосходящем страдания и дающем почувствовать дыхание Вечности.

Исторически философско-религиозный дискурс строился на различии смыслов, вкладываемых в понятия счастья и радости. В работах современных авторов смыслы данных понятий сближаются. Счастье понимают как приобщение к совершенству, полноту бытия, что предполагает состояние радости в сопричастности духовным смыслам. Термин «блаженство» сегодня употребляется как их синоним, однако не утрачивает своего значения в качестве обозначения высшей степени проявления счастья и радости. Кроме того, блаженство как состояние дистанцировано от любых проявлений физиологичности в религиозной традиции.

Высказываются предложения для обозначения состояния и жизненной цели христиан употреблять термин «счастье» [3], что, по сути, является констатацией существующей речевой практики. Конвенциональное употребление термина «счастье» в его высоком смысле как объемлющем признаки, традиционно присущие понятиям «радость» и «блаженство» в христианской религиозной традиции, не лишено оснований. Это может быть продиктовано, например, прагматикой миссионерской деятельности. Счастье — одно из центральных понятий экзистенциального осмысления современного человека, и его рецепция для объяснения религиозного опыта вполне целесообразна. В диалоге, предполагающем указание на состояние радости в религиозном смысле, термин «счастье» вполне адекватен для нерелигиозного понимания. Однако здесь также кроется опасность, вызванная теми причинами, по которым русская православная церковь не отказывается от церковнославянского языка при осуществлении богослужения. Глубина и оттенки смыслов, заключенных в исконных терминах, могут потеряться, нивелироваться, а для иных просто не найдется полноценного эквивалента. Отождествление понятий счастья, радости и блаженства может привести к утрате изначальных смыслов, транслируемых религиозной традицией.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Анисимова М.Н. *Онтология счастья*. Тюмень, Изд-во ТГУ, 2017, 166 с.
- [2] Козин Н.Г. *Анамнез счастья. Философские смыслы повседневности*. Москва, Академический проект, 2015, 427 с.
- [3] Лоргус А., свящ. *Книга о счастье*. Москва, Ника, 2019, 144 с.
- [4] Мишутина Е.А. *Социально-философский анализ феномена счастья. Автореф. дис. ... канд. филос. наук*. Новочеркасск, 2009, 29 с.
- [5] Армстронг А.Х. *Истоки христианского богословия. Введение в античную философию*. Санкт-Петербург, Изд-во Олега Абышко, 2006, 256 с.
- [6] Петрова Л.А. *Тема счастья и радости в античной культуре и христианской традиции. Дис. ... канд. филос. наук*. Санкт-Петербург, 2016, 157 с.

- [7] Аристотель. *Сочинения. В 4 т. Т. 1.* Москва, Мысль, 1976, 549 с.
- [8] Дьячкова Н.А. Концепт «радость» в православно-христианском дискурсе. В сб.: *VERBUM: язык, текст, словарь.* Екатеринбург, Изд-во Уральского университета, 2006, с. 165–178.
- [9] Петрова Л.А. Концептуализация счастья и радости в русской религиозной философии IX — первой половины XX в. *Вестник СПбГУ. Сер. 17*, 2016, вып. 1, с. 143–150.
- [10] Козин Н.Г. *Счастье. Что это? В поисках философских основ существования.* Москва, Академический проект, 2022, 797 с.
- [11] Десницкий А.С. *Сорок вопросов о Библии.* Москва, Дарь, 2014, 415 с.
- [12] Григорий Нисский, свт. *Беседы о блаженствах.* URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Nisskij/o-blazhenstvakh/ (дата обращения 08.01.2025).
- [13] Воркачев С.Г. «Блаженство» или «счастье»: макаризм в русских переводах Евангелия. *Язык, коммуникация и социальная среда.* Воронеж, 2012, вып. 10, с. 35–45.
- [14] Василий Великий, свт. *Беседы на псалмы.* Москва, Сибирская благовонница, 2018, 432 с.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Комлев А.Е. Концептуализация счастья, радости, блаженства в философско-религиозном дискурсе: онтологический аспект. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 2. EDN SWKOPN

Комлев Алексей Евгеньевич — канд. филос. наук, доцент кафедры философии Саратовской государственной юридической академии. e-mail: almaskom@mail.ru

Conceptualization of happiness, joy, bliss in the philosophical and religious discourse: ontological aspect

© A.E. Komlev

Saratov State Law Academy, Saratov, 410056, Russia

The paper notes that in the modern philosophical and religious discourse the difference between such concepts as happiness, joy and bliss is not obvious. From the point of view of establishing mutual understanding between different worldview positions, convergence of meanings of the concepts under consideration could be useful, but their complete identification would lead to the loss of the original meanings richness. The paper shows that proximity of the concepts of happiness, joy and bliss in the modern philosophical and religious discourse does not mean their identity. It substantiates the conclusion about the need to take into consideration the differences in the original intentions of understanding the concepts of happiness, joy and bliss in religious and philosophical culture. Clarification of the original meanings makes it possible to identify the essence of ontological, anthropological, and ethical differences in the worldviews.

Keywords: *happiness, joy, bliss, difference in concepts, value attitude, ontological parameters, ideological discourse, religious culture*

REFERENCES

- [1] Anisimova M.N. *Ontologiya schastya* [The ontology of happiness]. Tyumen, TGU Publ., 2017, 166 p.
- [2] Kozin N.G. *Anamnez schastya. Filosofskie smysly povsednevnosti* [Anamnesis of happiness. Philosophical meanings of the everyday life]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2015, 427 p.
- [3] Lorgus A., priest. *Kniga o schastye* [The book of happiness]. Moscow, Nikeya Publ., 2019, 144 p.
- [4] Mishutina E.A. *Sotsialno-filosofskiy analiz fenomena schastya: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Socio-philosophical analysis of the phenomenon of happiness: Abstract. Diss. ... Cand. Sc. (Philosophy)]. Novocherkassk, 2009, 29 p.
- [5] Armstrong A.H. *An Introduction to Ancient Philosophy*. Methuen & Co. Ltd., 1949 [In Russ.: Armstrong A.Kh. *Istoki khristianskogo bogosloviya. Vvedenie v antichnuyu filosofiyu*. St. Petersburg, Olega Abyshko Publ., 2006, 256 p.
- [6] Petrova L.A. *Tema schastya i radosti v antichnoy kulture i khristianskoy traditsii: Diss. ... kand. filos. nauk* [The theme of happiness and joy in the ancient culture and Christian tradition – Diss. ... Cand. Sc. (Philosophy)]. St. Petersburg, 2016, 157 p.
- [7] Aristotle. *Sochineniya* [Essays]. In 4 vols. Vol. 1. Moscow, Mysl Publ., 1976, 549 p.
- [8] Dyachkova N.A. Kontsept “radost” v pravoslavno-khristianskom diskurse [The concept of joy in the Orthodox Christian discourse]. In: *VERBUM: yazyk, tekst, slovar* [VERBUM: language, text, dictionary]. Yekaterinburg, Uralskogo Universiteta Publ., 2006, pp. 165–178.
- [9] Petrova L.A. Kontseptualizatsiya schastya i radosti v russkoy religioznoy filosofii IX — pervoy poloviny XX v. [Conceptualization of happiness and joy

- in Russian religious philosophy in 19th and in the first half of the 20th century]. *Vestnik SPbGU. Ser. 17 — Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2016, iss. 1, pp. 143–150.
- [10] Kozin N.G. *Schastye. Chto eto? V poiskakh filosofskikh osnov suschestvovaniya* [Happiness. What is it? In search of the philosophical foundations of existence]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2022, 797 p.
- [11] Desnitskiy A.S. *Sorok voprosov o Biblii* [Forty questions about the Bible]. Moscow, Dar Publ., 2014, 415 p.
- [12] Grigory Nissky, St. *Besedy o blazhenstvakh* [Conversations about the beatitudes]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/o-blazhenstvakh/ (accessed January 8, 2025).
- [13] Vorkachev S.G. “Blazhenstvo” ili “schastye”: makarizmy v russkikh perevodakh Evangeliiya [“Bliss” or “happiness” in the Russian translations of Gospel]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsialnaya sreda — Language, Communication, and Social Environment*. Voronezh, 2012, iss. 10, pp. 35–45.
- [14] Vasily Veliky, St. *Besedy na psalmy* [Conversations on the psalms]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2018, 432 p.

Komlev A.E., Cand. Sc. (Philos.), Associate Professor, Department of Philosophy, Saratov State Law Academy. e-mail: almaskom@mail.ru